

D.V. GRISHIN

**Dostoevsky - Man,
Writer and Myths**

**AUSTRALIAN CONTRIBUTION TO THE
INTERNATIONAL SIMPOSIUM OF RESEARCHERS
INTO THE LIFE AND WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY**

B A D E M S , 1 9 7 1

THE UNIVERSITY OF MELBOURNE

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Д. В. ГРИШИН

Достоевский—человек, писатель и мифы

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Бад Эмс, 1971

Глубоко уважаемый
доктор Н. Ревел на
память о симпозиуме
с юбилейным тезисом
от автора
31/10/72. Мельбурн.

Мельбурн

Published by
The Department of Russian Language and Literature
University of Melbourne,
Parkville, Melbourne, 3052
Australia

Никто не оспаривает величие и гениальность Достоевского. Это ясно и общеизвестно, но не ясно до сих пор, что за человек был Достоевский, каков был его внутренний мир? Мы знаем, каким идеям поклонялся Достоевский, но не знаем веровал ли он в них сам. А главное, борясь за униженных и оскорбленных, уважал ли он человека, верил ли в него?

Нам трудно ответить на эти вопросы. Достоевский, как известно, не вел дневников. Есть записки его жены, но в них Достоевский показан очень односторонне. Воспоминания друзей отрывочны и противоречивы. Создается впечатление, что друзья плохо знали Достоевского. **Может быть**, в этом он был виноват и сам, так как был скрытен и необщителен.

Он знал, что отличался от других, хотя, казалось, был во всем похож на них. Отличие состояло не только в огромной способности к рефлексии, самоанализу и «двойному» восприятию явлений, а также и в способности жить в будущем, вернее видеть будущее за прозрачными, для Достоевского, стенами настоящего. Достоевский считал себя пророком. Он пытался предсказать судьбу, которая ожидает мир. Его предсказаниям не верили

при жизни писателя. Над ними смеялись после его смерти. Смеялись напрасно. Достоевский ошибался в частности, но в основном, был прав, предсказывая огромные потрясения, ожидавшие человечество. Достоевский чувствовал свою «особенность», боялся ее, знал, что его не смогут понять другие и никогда никому не открывался вполне.

Достоевский не допускал в свой внутренний мир даже близких. Он показывал им лишь то, что они были способны понять. Так, Анна Григорьевна, прожив всю жизнь вместе с ним, узнала только то, что он был любящим мужем, хорошим отцом и добрым человеком. Внутренняя тревога и страшные сомнения, мучившие Достоевского, остались ей далеки и непонятны. Вряд ли она даже и подозревала о них. Правда, остались письма, но и в письмах Достоевский не раскрывал своей души.

При отсутствии фактических данных, основываясь только на его творчестве, легко создать любой портрет Достоевского. Отсюда мифы: Достоевский — подпольный человек; Достоевский — Свидригайлов, Ставрогин; Достоевский — палач, жестокий талант, человеконенавистник, консерватор и т. д. и т. п.

Однако есть одно произведение, которое дает возможность заглянуть во внутренний мир Достоевского. Это произведение — «Дневник писателя». Это «Дневник», но не в обычном смысле слова. Это как бы и личный дневник и в тоже время литературное произведение, где переплетаются различные жанры.

В нем Достоевский высказывал свои сокровенные мысли. В «Дневнике» помещены ценнейшие воспоминания, в «Дневнике» имеется «зашифрованная» статья, в которой Достоевский сообщает будущим поколениям о своей деятельности в тайных революционных обществах. В «Дневнике», в пылу полемики, Достоевский выступает перед нами таким, каким он был в жизни. «Дневник» неот-

делим от личности его создателя. Вот почему, говоря о Достоевском, необходимо говорить о «Дневнике».

«Дневник писателя» до настоящего времени не привлек должного внимания исследователей, а между тем «Дневник» — одно из важнейших произведений Достоевского. Это роман Достоевского о самом себе. Только в «Дневнике» Достоевский имел возможность прямо говорить о своих сокровенных идеях, надеждах, мечтах, горьких обидах и разочарованиях. А обид и разочарований было много, может быть, слишком много для жизни одного человека.

После блестящего успеха «Бедных людей» начинается тяжелая полоса неудач и трагедий. Провал «Двойника», ссора с кружком Белинского, арест, приговор к смертной казни, переживание «ужасных, невыносимо страшных минут» ожидания смерти, потом каторга, солдатчина, неудачный брак, смерть жены, банкротство, бегство от долгов за границу, борьба с кредиторами, смерть дочери, смерть сына, клевета врагов и друзей, а, главное, одиночество.

Достоевский был гениален и одинок. Он был слишком многосторонен. Друзья видели и понимали только отдельные стороны его сложной натуры и на основании этого судили всего человека. Судили строго, часто беспощадно. Особенно беспощаден был долголетний «друг» Достоевского Н. Страхов.

Он написал биографию Достоевского, где восхвалял умершего, а затем послал письмо Л. Толстому, где сообщал, что во время писания биографии он «боролся с подымавшимся в нем отращением», потому, что Достоевский «был зол, завистлив, развратен и всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен... он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. Его тянуло к пакостям, и он

хвалился ими... Лица наиболее на него похожие, — это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах». ¹

Пером Страхова водила зависть и злоба к великому современнику, но в его замечаниях есть доля правды. Мы не знаем настоящего Достоевского. Одни изображают его святым, другие грешником, но он не был только святым, или только грешником, он был и святым и грешником в одно и то же время. Достоевский исследовал глубины человеческого сознания и подсознания, его занимали вопросы будущего человечества, он создал замечательную поэму о Великом Инквизиторе, мечтал об устройстве рая на земле и в то же время был суеверен, мнителен, недоверчив, подозрителен, верил в предсказания и даже пытался сам истолковать некоторые из них. Писал о том, что должно случиться с миром и Россией в недалеком будущем, слыл сердцеведом, но был излишне доверчив и часто ошибался. Проще — Достоевский был человек, которому, несмотря на его гениальность, не только не было чуждо все человеческое, но у которого «человеческое» часто преобладало. Достаточно просмотреть «Дневник» А. Г. Достоевской, чтобы увидеть Достоевского в новом свете. Вот Достоевский запальчиво ругается с каким-то немцем в вагоне и, к удивлению Анны Григорьевны, на хорошем немецком языке, вот он под звуки музыки игрушечной шарманки танцует с женой перед детьми мазурку, под вечер бродит по улицам Старой Руссы, отыскивая пропавшую корову, ожесточенно спорит со своими родными, доказывая свои права на оставленное теткой наследство.

Личность Достоевского проявляется в огромном размахе его амплитуды от нуля до бесконечности.

«Хуже всего, — писал он, — что натура моя

подлая и слишком страстная: везде то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил». ²

У Достоевского был тяжелый характер. В юности он, по его собственному выражению, «завел процесс со всюю литературою, журналами и критиками». Все бывшие друзья, включая Тургенева, Некрасова, Белинского, стали его врагами. К концу жизни положение не улучшилось. 15 октября 1880 года в письме к П. Гусевой Достоевский сообщает: «С «Огоньком» я не знаюсь, да и заметьте тоже, что ни с одной Редакцией не знаюсь. Почти все мне враги — не знаю за что». ³ 18 октября 1880 года, т. е. через три дня в письме к М. Поливановой Достоевский пишет, что к нему приносят начинающие писатели свои рукописи и просят «пристроить их в какой-нибудь журнал, Вы де со всеми редакциями знакомы, а я ни с одной не знаком, да и не хочу знатья... И всех то я обозлил, все то меня ненавидят. Здесь в литературе и журналах не только ругают меня как собаки, но под рукой пускают на меня разные клеветливые и недостойные сплетни». ⁴

«Угрюмый, пасмурный, капризный, надломленный и испорченный судьбой»,⁵ — по его собственным словам, Достоевский был непонятен даже жене. Он уверял ее, что плохое только снаружи, внутри же другое, но не говорил, как можно увидеть, это другое.

В письме к жене от 20 мая, 1876 года (т. 2. стр. 10.) Достоевский, хваля Анну Григорьевну, за то, что в ее письмах видна любовь к нему, обмолвился одним очень интересным словом: «Я и наяву-то, когда мы вместе, не общителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею. Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом. Милая моя простишь ли ты меня за то, что я тебя так мучаю...»

О том, что Достоевский был «несообщителен и угрюм» мы уже знаем, но почему он употребил

слово «наяву»? Значит ли это, что Достоевский был во сне другим человеком? Или действительность была для него сном, а сон явью. Или, что более вероятно, Достоевский здесь намекает на свою особенность, отличавшую его от большинства людей: способность к рефлексии. Анализируя все свои чувства и переживания, смотря на себя со стороны, Достоевский хорошо понимал истинные чувства и переживания других людей. Он видел настоящее лицо человека, видел то, в чем люди неохотно признаются самим себе. Может быть потому Достоевский так любил стихотворение Пушкина «Пророк»? В нем Пушкин говорил об этой же способности.

Видеть людей такими, как они есть очень тяжело, часто просто невыносимо. Многие наши писатели и поэты, обладавшие этой способностью, были глубоко несчастны. Гоголь умер близкий к умственному расстройству. Чехов боролся и жил, тяжело страдая; мучительные сомнения преследовали Блока. Но ни у Чехова, ни у Гоголя, ни у Блока указанная способность не была так развита, как у Достоевского.

К сожалению, до настоящего времени творчество и жизнь Достоевского с этой точки зрения не исследованы, а было бы важно для понимания Достоевского иметь работу на тему: «Мир в восприятии Достоевского». Ведь это был мир «обнаженных» людей, т. е. людей без масок, а таких, какими они есть в жизни.

Указанной способностью мы объясняем одну из особенностей творчества Достоевского, которая отмечалась, но не объяснялась многими, а именно, необычайная пронизательность всех действующих лиц его произведений. Его герои обычно с невероятной легкостью разгадывают все планы противников в самых запутанных интригах и делают верные предсказания о том, что должно случиться. Часто читатель останавливается в недоумении перед такой пронизательностью, но все

это легко объясняется, если мы примем во внимание отмеченную способность. Об этой способности Достоевский писал в «Дневнике» за 1873 год в статье «Старые люди». Характеризуя Герцена, Достоевский заметил, что Герцен был «великолепный рефлектор». Далее дается следующее объяснение: «Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему, и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним». (стр. 171) Вот эта-то способность и мешала Достоевскому «выражать себя». Она убивала непосредственное восприятие, делала его подозрительным и угрюмым. Достоевский любил человека, сожалел его, думал о его судьбе, мечтал о лучшем будущем, но он находил мало людей, которых он мог уважать. Отсюда непрерывные поиски «настоящего» человека, борьба за «настоящего» человека.

Отмеченной нами способностью Достоевский обладал и в юности. Н. Некрасов в повести «Каменное сердце» так описал молодого Достоевского: «В минуты сильной робости он имел привычку съеживаться, уходить в себя до такой степени, что обыкновенная застенчивость не могла подать о состоянии его ни малейшего понятия. Оно могло быть только охарактеризовано им же самим изобретенным словом «стусеваться». Лицо его все вдруг осовывалось, глаза исчезали под веками, голова уходила в плечи, голос всегда удушливый, окончательно лишался ясности и свободы, звуча так, как будто гениальный человек находился в пустой бочке, недостаточно наполненной воздухом, и притом его жесты, отрывочные слова, взгляды и беспрестанные движения губ, выражающие подозрительность и опасение, имели что-то до такой степени трагическое, что смеяться не было возможности». (К. Чуковский, «Некрасов», «Статьи и материалы», Изд. «Кубуч», Л, 1926, «Каменное сердце», стр. 356.) «Лицо гениального человека процвело, каждая веснушка его налилась

радостью, но... тут опять тень действительного сомнения и страха показали в его лице, которое имело обыкновение меняться тысячу раз в минуту, то изображая собою тучу, готовую разразиться дождем и слякотью — то вдруг мгновенно озарясь ярким играющим светом, каким блестят солнце по морозу». (Там же стр. 355) Комментируя эту повесть, Чуковский пишет: «В этой повести воочию видишь, что все впечатления жизни, даже приятные, воспринимались Достоевским с такою чрезмерностью, что неизбежно превращались в страдания. Мудрено ли, что даже в гуманном кружке Белинского он чувствовал себя как в застенке». Нам кажется, что дело не в «чрезмерности восприятия», а просто Достоевский видел все в настоящем свете. Любезное обращение его не обманывало. Он понимал, что хотя его и ценят, как автора романа «Бедные люди», но относятся к нему насмешливо и снисходительно, смотрят на него, за исключением Белинского, сверху вниз, смеются над его манерами и наружностью, вышучивают его и потешаются над ним. Достоевский уважал этих людей, он мечтал о знакомстве с ними и вот мечта столкнулась с действительностью. Молодому писателю было трудно и почти невозможно понять как эти люди могли так жестоко относиться к нему. Но факты оставались фактами и озлобленный Достоевский порывает с кружком Белинского, угрожая «затоптать недавних друзей в грязь». Способность Достоевского как бы разделяться на две личности замечали многие.

В своих «Воспоминаниях» Н. Страхов пишет. «С чрезвычайной ясностью в нем (Достоевском Д. Г.) обнаруживалось особого рода раздвоение, состоящее в том, что человек предается очень живо известным мыслям и чувствам, но сохраняет в душе неподдающуюся и неколеблющуюся точку, с которой смотрит на самого себя, на свои мысли и чувства. Он сам иногда говорил мне об этом

свойстве и называл его рефлексиею». (Биография, письма и заметки из записной книжки, стр. 275)

Но никто не заметил того, что Достоевский, понимая себя, также хорошо мог понимать и других.

Понимание людей лишало Достоевского равновесия, необходимого при общении с ними. Этим объясняется то, что часто он был несправедлив даже с любимым братом.

«Мне вспоминается иногда, — пишет он брату, — как я был угловат и тяжел у вас в Ревеле. Но у меня такой скверный отталкивающий характер... Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Я смешон и гадок и вечно поспеваю страдать от несправедливого заключения обо мне. Говорят, что я черств и без сердца. Помню как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя.» 6

Достоевского не понимали чужие, не понимали родные, резко критиковали и осуждали друзья. В этих условиях чувство одиночества все чаще овладевало писателем. Романы были его исповедью, но в них трудно было говорить о себе: стесняла форма. Нужно было найти нечто новое необычное. Так зародился план издания «Дневника писателя».

Цель издания — избавление от одиночества. Говоря с другими, Достоевский говорил с собой. «Я ведь издавал мой листок сколько для других, столько и для себя самого, из неудержимой потребности высказаться в наше любопытное столь характерное время.» 7

В «Дневнике» Достоевский был предельно искрен: «Я никогда еще не позволял себе в моих писаниях довести некоторые мои убеждения до конца, сказать — самое последнее слово моих убеждений... И вот я взял да и высказал последнее слово моих убеждений — насчет роли и

назначения России среди человечества и выразил мысль, что это не только случится в ближайшем будущем, но уже начинает сбываться.»⁸

Как видно, «Дневник» был «последним словом убеждений» Достоевского, а главной целью издания было «по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее по возможности, в текущих представляющихся фактах».⁹ В «Дневнике» Достоевский вел борьбу за национальное достоинство русского человека, за русскую культуру, русский язык, русскую науку и искусство.

Достоевский подчеркивал, что «Дневник» «не простое политическое обозрение и не претендует представлять ежемесячно политические статьи, но всегда будет стараться отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях».¹⁰

«Дневник» был не пестрое собрание статей, очерков, воспоминаний, повестей и рассказов, т. е. какое-то странное смешение различных жанров, а произведение объединенное одной идеей. Достоевский сам в объявлении об издании «Дневника» на 1876 год заметил: «Из всех двенадцати выпусков составитя целое, книга, написанная одним пером».¹¹

Существующее до сих пор пренебрежительное отношение к «Дневнику» ничем не оправдано. Еще Страхов в своих «Воспоминаниях» о Достоевском заметил: «В «Дневнике» Достоевский, можно сказать, сам написал свою биографию, указал и объяснил то, чем он был занят, что думал и чувствовал в каждый из двенадцати месяцев этих трех годов».¹²

Страхов рассматривал «Дневник», как исповедь Достоевского. «Дневник» имел величайший успех и был истинно счастливою мыслью, вполне соответствовал потребностям и приемам писания Федора Михайловича... Достоевский получил

возможность высказывать в совершенно вольной форме те мысли, которые постоянно в нем кипели и были возбуждаемы его всегдашним пристальным вниманием к совершающейся вокруг него жизни». 13

«Дневник» был заключительным словом в развитии идей Достоевского.

«Дневник» чрезвычайно демократичен, его герои не аристократы и финансовые дельцы, а рядовые люди. «Дневник» — это повесть о России, русской интеллигенции и русском народе. «Дневник» проникнут тревогой за Россию и страстной верой в великое будущее ее ожидающее. «Дневник» — это гимн человеку, прославление его силы, способностей, гимн человеческому разуму и жизни.

Достоевский чувствовал себя органически связанным с народом. У него было две души: душа русского интеллигента, мыслителя, исследователя глубин человеческого духа и душа простого человека. Отсюда раздвоение и противоречия. Мыслитель проповедовал необходимость и пользу страдания — человек из народа ненавидел страдание, потому что страдал слишком много, часто и невинно. Наряду с призывом к терпению, прощению врагам и любви к ближнему в «Дневнике» мы встречаемся со вспышками гнева и ярости, когда Достоевский требует жестокого наказания всем, кто угнетает и мучает других. Кажется, что многие страницы «Дневника» написаны рукой готовой взяться за оружие.

Показывая несправедливость, существующую в жизни, Достоевский призывает к борьбе против зла. Зло не должно торжествовать. Зло есть проявление животной стороны человеческой природы. Необходимо подавлять эту сторону, необходимо бороться с ней. В «Дневнике» Достоевский начал борьбу за «настоящего человека», показал «лучших людей русской нации», показал «победителей мира, которым должна принадлежать земля». Все они были люди народа. Миф о Достоевском —

Ставрогине, Свидригайлове, подпольном человеке должен быть отброшен. Эти люди были ему враждебны и чужды.

Достоевский был глубоко национален и не мог не быть им, потому что он был самым русским из всех русских. Как русского его особо интересовало будущее человечества. «Дневник» наполнен предчувствием «роковых минут» мира. Достоевский как бы слышал шум приближавшейся страшной бури. Он слышал этот шум, когда небо было ясно и сияло солнце. Современники занимались своими обычными делами и Достоевский с его волнениями и страстными поисками выхода был им непонятен и чужд. Его предсказания о «грядущем четвертом сословии» и мировых катастрофах казались фантастическими. «Вы смеетесь? — бросил он. — Блаженны смеющиеся. Дай вам Бог веку, сами увидите. Удивитесь тогда». ¹⁴ Видеть и удивляться пришлось многим.

Предвидение будущих катастроф и потрясений наложило особый отпечаток на писателя и его творчество. Он «оглушен был шумом внутренней тревоги». Эта тревога наполнила страницы его романов и страницы «Дневника». В нем Достоевский предупреждал современников о необходимости быть людьми, любить ближнего, любить человека, стремился показать настоящих людей: «Я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России». ¹⁵ Отсюда напряженность, порывистость и страстность, отсюда странные, на первый взгляд, жанры и их смешение.

В «Дневнике» отразилась заветная мечта писателя о великом всечеловеческом единении.

Достоевский был русским, был предан России и беспредельно, болезненно, и страстно любил свой народ. Он выражал собою ярчайший тип русского с типичными для него общечеловеческими стремлениями. Ведь «русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успо-

коиться: дешевле он не примирится». ¹⁶ Это Достоевский сказал и о себе. Он не только не хотел, но и не мог примириться с жизнью на других условиях. Поэтому его так интересовали и занимали все народы мира и их судьба. Отсюда постоянные замечания в «Дневнике» о том, как дорога и важна Европа России, утверждение, что «будущность Европы принадлежит России. Но вопрос: что будет тогда делать Россия в Европе? Какую роль играть в ней? Готова ли она к этой роли?» ¹⁷ Русские должны были, по мнению Достоевского, послужить всему человечеству, потому, что русские «приняли в себя общечеловеческое начало и даже сознали, что мы то, может, и назначены судьбою для общечеловеческого мирового соединения». ¹⁸ «Русская идея станет со временем синтезом всех тех идей, которые Европа так долго и с таким упорством вырабатывала в отдельных своих национальностях». ¹⁹ В русском обществе стремление к общечеловеческому объединению «было даже наиболее нормальным состоянием этого общества... Этот всечеловеческий отклик в русском народе даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность». ²⁰

Прав или неправ был Достоевский—этот вопрос нас не интересует, хотя думаем, что в основном был прав. Наша цель—показать Достоевского таким каким он был на самом деле. Чтобы это сделать необходимо уничтожить миф о принадлежности Достоевского к определенным узким политическим группам. Стремление налепить на писателя определенный ярлык, занести в определенный разряд и на этом успокоиться вполне оправдывает себя, если мы имеем дело со средним человеком. Но Достоевский был гений, он обладал способностью «переступить». Он переживал в одно время различные часто противоположные чувства, его захватывали смерчи идей. Он мечтал об эволюции и нравственном самосовершенствовании и в то же

время слышал грозные звуки марсельезы, он находил странную отраду в раздумьях о русском бунте «бессмысленном и беспощадном». Волнениями и предчувствиями была переполнена жизнь Достоевского. Его пугали и в то же время привлекали картины будущих мировых катастроф и разрушений, у него был особый жизненный опыт и особые воспоминания. Чаще всего вспоминалась каторга. Там были люди, стоящие по ту сторону добра и зла. Вот услужливый и скромный каторжник Петров, который ухаживал за Достоевским как за ребенком. Но, как заметил один знакомый Достоевского, Петров был «самый решительный, самый бесстрашный из всех каторжных. Он на все способен, ни перед чем не остановится, если ему придет каприз. Он и вас зарежет, если ему это вздумается, так, просто зарежет». ²¹

Несколько лет наблюдая за Петровым, Достоевский пришел к выводу, что его знакомый был прав. Петров был «бесстрашный и не знающий над собою никакого принуждения человек». К подобным типам принадлежал и разбойник Орлов, обладавший нечеловеческой силой воли. «Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог повелевать собою безгранично, презирал всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете». ²² Были еще каторжники некто А-в и похожий на огромного паука силач татарин Газин. Про последнего говорили, что он резал для развлечения маленьких детей. Это были не люди, а звери. Достоевский представлял подобных людей на свободе и содрогался. В юности друг крайнего революционера Спешнева, в семидесятые годы Достоевский становится другом крайнего консерватора обер прокурора святейшего синода К. Победоносцева. Но Достоевский не был надежным другом. Победоносцев относился к нему настороженно.

Крайности были характерны для Достоевского. В 1873 году он делается редактором одного из

самых консервативных журналов — «Гражданин» и в этом же году помещает в этом журнале статью под названием «Одна из современных фальшей». В ней Достоевский прославляет свое революционное прошлое, восхваляет революционеров, показывая их как лучших людей нации. Сам он решительно заявляет, что в то время был убежденным революционером.

Несмотря на это заявление до настоящего времени существует миф, что Достоевский в кружок Петрашевского попал случайно, случайно был арестован, случайно на его деле оказалась надпись «Один из важнейших», случайно был приговорен к смертной казни и сослан на каторгу.

Здесь слишком много «случайностей». В нашей книге под названием: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, этот вопрос рассмотрен подробно и, чтобы не повторяться, для уничтожения мифа, приводим рассказ А. Майкова о роли, которую играл Достоевский в революционных кружках. Майков всегда был настроен очень консервативно и у нас нет оснований не верить его рассказу. Кроме того, все это подтверждается и другими источниками. «Приходит ко мне Достоевский, — пишет Майков, — приходит в возбужденном состоянии и говорит, что имеет ко мне важное поручение.

— Вы, конечно, понимаете, — говорит он, — что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толку выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решили выделиться, но тайно и ничего другим не сообщая, и образовать особое, тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг, и даже журнала, если это будет возможно... Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбели, Павел Филиппов, Григорьев, В. Милютин и я. Мы осьмым выбрали вас. Хотите ли вы вступить в общество? — Но с какой целью? — Конечно, с целью произвести переворот в России». (Рассказ А. Май-

кова о Ф. М. Достоевском, «Исторический архив», № 3, М. 1956, стр. 224). Итак, Достоевский выступал как заговорщик, думающий «произвести переворот в России», так что элемент случайности в его аресте отпадает.

Это было в 1849 году. Вот перед нами неопубликованный фрагмент к «Дневнику» за 1876 год. (К четвертой главке четвертой главы: «Земля и дети». А. С. Долинин, «Новое о Достоевском», «Ученые записки, Ленинградского педагогического института им. М. П. Покровского, Факультет языка и литературы, т. 2, выпуск 2, Ленинград, 1940, стр. 319). Фрагмент малоизвестен, а он очень важен для понимания взглядов Достоевского эпохи 70-х годов. В отрывке отразились идеи юности. Достоевский пишет о будущем, ожидающем человечество.

«Человечество обновится в саду и садом управится — вот формула. Видите, как это было: сначала были замки, а подле замков землянки. В замках жили бароны, в землянках вассалы. Затем стала подыматься буржуазия... В наш век произошла страшная революция и одолела буржуазия... Теперь ждут третьего фазиса: кончится буржуазия и настанет обновленное человечество. Оно поделит землю по общинам и начнет жить в саду».

В том, что существующий порядок **должен** был кончиться Достоевский не сомневался, но **встал** вопрос как? На Западе должна быть революция, а Россию спасет от революции православие. Как видно, в этом случае Достоевский оказался плохим пророком.

Интересное свидетельство о взглядах Достоевского оставил лично хорошо знавший Достоевского Орест Миллер. Говоря об отношении Достоевского к полякам, Миллер пишет: «Этот старый дух Польши был ненавистен Достоевскому, как социалисту, — а социалистом в широком

смысле этого слова он никогда не переставал быть». («Биография, письма и заметки», стр. 175).

И вот такой человек становится редактором «Гражданина»! Понятно, что работать там ему было трудно. Отношения с издателем журнала князем Мещерским делались все напряженнее и Достоевский через год покидает журнал. Консервативно настроенные друзья упрекали его в измене, не понимая, что Достоевский никогда не был полностью с ними. Он был вечным бунтовщиком против всего, что ограничивало и угнетало свободу человека.

Таким Достоевский встает перед нами и по другим воспоминаниям современников. «Говорил Достоевский очень хорошо, красиво и убежденно — пишет В. Микулич. — Он громил католичество и папство, громил гнилой Запад с его культурой и жизнью, в которой все подкопано, расшатано и не сегодня-завтра, рухнет и исчезнет... Он говорил не раз, что «нищей» земле нашей суждено, может быть, сказать новое слово миру. Он горячо верил в высокую миссию русского народа». 23

Далее Микулич пишет, что Достоевский был далек от людей подобных князю Мещерскому и Страхову. «Какие они единомышленники? ... Те любят то, что есть. Он любит то, что должно прийти. А если он так ждет, так ждет того, что должно прийти, значит он не так уж доволен тем, что есть». 24

Всеволод Соловьев написал интересные воспоминания о Достоевском, но потом он говорил: «Многое я не мог внести в свои печатные воспоминания об этом человеке великого духовного порыва и вместе великого греха». (А. Измайлов, «Литературный Олимп, М. 1911, стр. 465). Но и то, что было напечатано представляет большой интерес для понимания Достоевского. Соловьев заметил, что Достоевский был предельно искрен. «Он был самым искренним человеком и потому в словах его, мнениях и суждениях, часто встречались противоречия; но был ли он прав или не прав, о

чем бы он не говорил, он всегда говорил с одинаковым жаром, с убеждением, потому что высказывал только то, о чем думал и во что верил в данную минуту». (Всеволод Соловьев, «Воспоминания о Ф. Достоевском», «Исторический вестник» 1881, стр. 612).

Достоевский любил жизнь: «Ах! жизнь хорошая вещь; ах, как иногда хорошо бывает жить! В каждой малости, в каждом предмете, в каждой вещице, в каждом слове, сколько счастья!» (Там же стр. 616).

В 70-е годы Достоевский переживал определенный кризис, поэтому так трудно увидеть его настоящее лицо. У него было много лиц, но он не был никогда двуличным. Л. Толстой в письме к Н. Страхову от 30 ноября 1883 года (Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. 63, ГИЗ, М.-Л. 1934, стр. 142) заметил: «Письмо ваше (о Достоевском Д. Г.) очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня. Но я вас вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, что вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы, добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба. Из книги вашей я первый раз узнал всю меру его ума... Бывают лошади — красавицы: рысак цена 1000 рублей, а вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу цена-грош. Чем я больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень любил. И забавно, за то, что он был без заминки и свезет, а то рысак, да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву. И Пресансе, и Достоевский — оба с заминкой. И у одного вся ученость, у другого ум и

сердце пропали ни за что. Ведь Тургенев переживет Достоевского и не за художественность, а за то, что без заминки».

Нельзя согласиться со всем, что пишет Толстой. Мы знаем, что Тургенев не переживет Достоевского, что «ум и сердце Достоевского» не пропали, что «заминка», если она и была у Достоевского, так имела определенное имя — «одержимость», что этой «заминкой» страдал и сам Толстой. (см. нашу книгу: «Дневник писателя Ф. М. Достоевского», стр. 42-44). Но Толстой был глубоко прав, заметив, что Достоевский умер «в самом горячем процессе внутренней борьбы» не прирванный и неуспокоенный.

Знакомство с содержанием «Дневника писателя» дает возможность разрушить еще один миф о Достоевском пассивном созерцателе жизни, витающем в заоблачных высотах, погруженном в исследование различного рода бездн. Нет, Достоевский не был таким. Нервный, раздражительный, нетерпеливый и нетерпимый, страстный всегда готовый к борьбе, к нападению и обороне, Достоевский стремился изменить и переделать жизнь, хотел изменить «лик мира сего». Он был не только мечтатель, но и сильный боец. Показывая падение человека, Достоевский не успокаивался на этом, он верил, что вслед за падением следует процесс самовосстановления и самоочищения.

В романах он показал, главным образом жизнь «разлагающуюся», показал беспросветную тоску переходного времени. А. Ф. Кони, лично знавший Достоевского, справедливо заметил: «Три рода больных, в широком и в техническом смысле слова, представляет жизнь, в виде больных волею, больных рассудком, больных, если так можно выразиться, от неудовлетворенного духовного голода. О каждом из таких больных Достоевский сказал свое человеческое слово». (А. Ф. Кони, «Некрасов Достоевский». Петербург, 1921, стр. 58). Особое внимание Достоевского привлекают боль-

ные от «неудовлетворенного духовного голода». Присматриваясь к русской жизни, он заметил ее односторонность: развитие низменных инстинктов, жажду комфорта, денег и самообеспечения в одной части общества, жертвенную борьбу интеллигенции за лучшую жизнь народа в другой, но в обоих случаях вопрос шел об улучшении материальной стороны. Лозунг — «Не хлебом единым» был забыт. Достоевский не думал отрицать необходимости материального улучшения жизни народа, но он знал что необходимы и великие идеи, объединяющие людей.

Достоевский показал жизнь «разлагающуюся», но он также показал и жизнь «созидающуюся», заметив: «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметил и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения и нового создания? Или еще рано?» (Д. 11, 37) В «Дневнике» Достоевский уделил огромное внимание именно «складывающейся» жизни, на что обычно не обращается внимания, хотя без этого нельзя получить верного представления о взглядах великого писателя.

Мы отмечаем огромное значение «Дневника» для понимания Достоевского и его творчества. Правы ли мы? Посмотрим как же воспринимался «Дневник» и оценивался его автор в семидесятые годы журналистами различных направлений и партий? В этом восприятии можно отметить две интересные черты: первая — общее признание, что «Дневник» был незаурядным явлением и вторая — начало борьбы за Достоевского. «Дневник» не отвергался целиком никем, но журналисты разных направлений, критикуя неприемлемые для них взгляды Достоевского, старались разъяснить писателю его «сшибки» и привлечь его на свою сторону.

Вс. Соловьев писал о зависимости журналистов от направления журналов, о монополии различных партий и о том, что только Достоевский выступил независимо: «Достоевский принадлежит к числу весьма немногих наших писателей, оставшихся вполне самостоятельными и не примкнувших ни к какому литературному лагерю... Достоевский писал в журналах с разными направлениями и никогда не делал ни малейшей уступки духу литературной партии, всегда оставался самым собою, чрезвычайно искренним и безупречно честным писателем». 25

Все сказанное соответствовало действительности, несмотря на дружбу с Победоносцевым, Достоевский шел своей дорогой.

Касаясь «Дневника», Соловьев пишет, что мысль о самостоятельном издании «Дневника» в 1876 году «вызвала во всех газетах самые сочувственные отзывы». Значение «Дневника» было в том, что «глубоко талантливый художник-психолог, чутко прислушивающийся ко всем явлениям современной общественной жизни и обладающий необыкновенным умением схватывать их, так сказать, налету и подвергать тонкому и верному анализу — начинает, не стесняемый ничьей хозяйской рукою, беседовать с русским обществом. Автор начертил себе самую широкую программу — он говорит обо всем, что только по тем или другим причинам, останавливает на себе его внимание — опыт его жизни и вся его умственная и нравственная деятельность в течение дня, недели, месяца — вот содержание «Дневника». 26

Об искренности Достоевского, его прямолинейности и убежденности пишет В. Буренин: «Дневник» Достоевского был таким оригинальным и главное таким глубоко искренним изданием. что он приобрел себе самые живые симпатии не только у читателей, но даже и среди наших журнальных котерий, которые любят называть себя партиями.

Несмотря на парадоксальность многих воззрений высокодаровитого писателя в его «Дневнике», в продолжении двухлетнего срока, было высказано много своеобразных, верных и иногда необыкновенно глубоких, светлых и метких мыслей и наблюдений и притом высказано такой задушевной, убеждающей горячей речью.

Без всякого сомнения в нашей периодической литературе немного насчитается изданий, могущих по внутреннему интересу конкурировать с этим маленьким журналом, издававшимся одним лицом, без помощи каких бы то ни было сотрудников. Все, кто читал «Дневник», — а его читали очень и очень многие: он имел замечательный успех — конечно пожалеют о том, что автор прекращает свою задушевную и симпатичную беседу о различных вопросах и явлениях современной действительности... Я очень оценил одно высокое и редкое в нашей журналистике качество этой деятельности: ее смелую искренность, правдивость и самостоятельность. Я не разделяю многих славянофильских и особенно мистических взглядов и парадоксов Достоевского, но мне всегда ужасно нравилось и нравится в нем, то, что он высказывается прямо от души, без псевдо-либеральной боязни показаться отсталым человеком, отступником просвещенного европеизма... он постоянно говорил «свои» слова, а не занятые на прокат, не навешенные, не рутинные фразы». 27

А. Скабичевский, враждебно относившийся к Достоевскому, все же признавал огромный успех «Дневника» и высоко ценил заботу Достоевского о счастье всего человечества. В то же время он критиковал Достоевского за национализм: «Среди всего того испуганного кликушества, которому скончательно в последних выпусках своего «Дневника» предался Ф. Достоевский по случаю войны, он высказал несколько мыслей по поводу последней части «Анны Карениной» не лишенных справедливости». 28

О демократизме Достоевского писал М. Сунин («Заря», 7 февраля 1881 г. № 30, «Журнальное обозрение») «Достоевский апофеизирует не отдельных личностей, не героев, а народ, массу. Историю делают и могут делать только народные массы. В них вся сила».

Н. Михайловский критиковал Достоевского за славянофильские взгляды, но высоко ценил любовь Достоевского к народу: «Пусть Достоевский скудно и односторонне понимал народную душу, но он горячо любил народ, желал ему добра и видел в нем надежду России... Достоевский понимал, что идет какая-то еще неясная, но грозная и грязная сила, одинаково враждебная и общим идеалам 40-х годов и мужику». 29

Михайловский верно охарактеризовал своеобразие творчества Достоевского. Достоевский «не зовет никуда от этой серой будничной жизни и от будничных типов в неведомую даль, он, наоборот, говорит о чудной способности этих самых сереньких типов, даже наиболее несчастных, забытых и падших, испытывать высочайшие настроения любви, чувство человеческого достоинства, чести, самопожертвования и высокого мужества».30

Сравнивая отзывы журналистов различных партий и направлений, мы видим, что Достоевский не принадлежал полностью ни к одному. Его критиковали не только слева, но и справа.

Так К. Леонтьев пишет, что в «Речи» на празднике Пушкина «Достоевский подобно великому множеству европейцев и русских всечеловеков, верит в мировую и кроткую будущность Европы, радуется тому, что нам русским, — быть может и скоро, придется утонуть и расплыться бесследно в безличном океане космополитизма». 31

«Слишком розовый оттенок, вносимый в христианство Достоевским, есть новшество по отно-

шению к Церкви от человечества ничего особенного благотворного в будущем не ждущей». ³³

Но Леонтьев хвалит Достоевского за веру в человека. «Теперь верят в человечество — в человека не верят больше. Достоевский, повидимому, один из немногих мыслителей, не утративших веру в самого человека». ³³

Е. Гаршин полагает, что «Издание «Дневника» имело огромный успех именно в силу привлекательности художественного пафоса его автора. На этих исполненных живого интереса страницах всякий доискивался прорывающихся перлов самой изящной и сильной поэзии и читателю было легко и приятно видеть как на глазах у него совершался процесс непосредственного отражения жизненных явлений в мышлении и воображении художника. Само издание «Дневника» было принято с чисто художественною целью, вступив в непосредственное отношение с публикой, обновить запас наблюдений»³⁴.

Мы рассмотрели достаточное количество статей о «Дневнике» и сравнивая «за» и «против», можем сказать, что в основном «Дневник» оценивался современной ему критикой как крупное литературное явление.

Чтобы понять Достоевского, необходимо помнить, что он был не только гениальным писателем, но и мыслителем, которого глубоко волновала судьба России и судьба человечества. Тот строй, при котором «миллионы людей, прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме... ищут выхода, чтобы не задохнуться»³⁵ — был неприемлем для Достоевского. «Я никогда не мог понять мысли, — замечает он, — что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке»³⁶. Он мечтал о «всечеловеческом единении», когда народы будут жить без войн, помогая друг другу.

В мечтах Достоевского отразилась не только

не поэтис'...

А вот в том то и штука, это видеть
самъ. его посылить на Земель. Не знаю ужъ
васъ завтраго. Мы же забаваемъ это оуб
великий артистотъ.

... а въ турсотъ — никакая сватская стикомбод-
ккъ переименованъ в стикомъ православныхъ
монастырей расноватъ не дозволяется
и запрещенъ сивъ отъ нихъ кикто, живущий
въ монастыря, сикакироватъ не сиваетъ.
Рдабы не карушить тикимы, подобающю
силсту.

Де видъ на Коваринскую иже оубъ наивъ
В. Касторакій? Это псаломъ, духовное
Сотика дажна и в. раба старообрядческой
монастырь похотъ сив. с. (симвъ это абы
запрещено, но елихъ это похотъ сивъ
теблосты ражкофъ. Я и оубъ в. ба-
сто тикшка, сию в. похотъ сивъ, а
именно, сивъ тикки свикки) по похотъ
кохотъ, это ккъ тикотъ свикки, похотъ сивъ
(а отъ сивъ и потому что переименованъ в
кохотъ оубъ похотъ сивъ ^{какая} в. раба
в. келья, отъ Свату) Сивъ оубъ это сивъ,

Неопубликованный отрывок из X-ой главы «Ряже-
ный», «Дневник писателя» за 1873 год. Две страни-

его надежда на лучшее будущее, но и гнев на тот общественный порядок, при котором «великий народ русский был взращен как зверь, претерпел мучения такие... каких ни один народ в мире не вытерпел бы»³⁷, отразилось негодование писателя за «униженного человека», которому «страшно много на земле терпеть, страшно много бед».

Против унижения человека и восстал Достоевский. Не захват, не завоевание, не насилие, как утверждают многие, проповедовал он. Нет, он заявил, что «величайшее из величайших назначений уже сознанных русскими в своем будущем есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству»³⁸. «Мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе никто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого»³⁹.

Мы пытались показать Достоевского таким, каким он был в действительности. Зная настоящего Достоевского, легко разрушить созданные о нем мифы. Достоевский принадлежал своей эпохе. Это наложило на него определенный отпечаток. Во многом он ошибался, но благодаря своей гениальности, перешагнув через рубежи времени и вышел на просторную дорогу вечности.

Что же за человек был Достоевский? На этот вопрос мы можем ответить словами самого Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Был он просто ранний человеколюбец».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». С предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского. Изд. Общества Толстовского музея. С. Петербург, 1914 г., т. 2, стр. 307-308.

2. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 29

3. Достоевский. «Письма», т. 4, стр. 201. 4. Там же, стр. 205-206.
5. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 7. 6. «Письма», т. 1, стр. 107.
7. Достоевский. «Дневник писателя», т. 11, стр. 437.
8. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 227.
- 9-10. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 439.
11. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 355.
12. Страхов Н. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», 1883, СПб, стр. 300. 13. Там же, стр. 299.
14. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 495. 15. Там же, стр. 64. 16. Там же, стр. 456.
17. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 153.
18. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 104. 19. Там же, стр. 18. 20. Там же, стр. 81.
21. Достоевский. «Записки из мертвого дома», т. 3, М. Гиз. 1956, стр. 497. 22. Там же, стр. 447.
23. Микулич В. «Встречи с писателями». Изд. писателей в Ленинграде, 1929, стр. 142-143. 24. Там же, стр. 144.
25. Соловьев Вс. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском», «Исторический вестник», 1881 г., кн. 3, стр. 612.
26. Там же, стр. 616.
27. Буренин В. «Литературные очерки», «Новое время», 1878 г., 20 января, № 681.
28. Скабичевский А. «Мысли по поводу литературы», «Биржевые ведомости», 1877 г., 23 сентября, 29-30. Михайловский Н. «Записки современника», № 239.
- «Историко-критический комментарий». Составил В. Зеленский, М. 1885, стр. 52.
- 31-32. Леонтьев К. «Наши новые христиане», «Историко-критический комментарий», стр. 101. 33. Там же, стр. 95.
34. Гаршин Е. «Испорченная жизнь — «Исторический вестник», февраль, 1884, стр. 369.щ
35. Достоевский, т. 4. М. 1956, стр. 95.
36. Достоевский, «Дневник», т. X, стр. 37.
37. Достоевский, «Дневник», т. XI, стр. 147.
38. Достоевский, «Дневник», т. X, стр. 20.
39. Достоевский, «Дневник», т. XI, стр. 26.

Того же автора.

Д. В. Гришин «Афоризмы и высказывания Ф. М. Достоевского», 77 стр., Мельбурн, 1961 г.

Д. В. Гришин «Достоевский и славянство». Конспект доклада на V Международном съезде славистов. 15 стр., София, 1963 г.

Д. В. Гришин «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского», 270 стр., Русское отделение Мельбурнского университета, Мельбурн, 1966 г.

Д. В. Гришин «Жанры «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского», Доклад на VI Международном съезде славистов, 28 стр., Прага, 1968 г.

Д. В. Гришин «Достоевский — человек, писатель и мифы», 370 стр., Мельбурнский университет, Австралия, 1971 г.

В печати. Д. В. Гришин «Мысли, афоризмы и высказывания Ф. М. Достоевского», 208 стр., Париж.

Книга является первой попыткой показать «настоящего» Достоевского, основываясь на его высказываниях.

Издание Librairie des Cinq Continents. 18, rue de Lille 75 — Paris (7^e) France.